

Некоторые теоретические подходы к определению региона и региональных макропроцессов взаимодействия (регионализация, регионализм)

Окончание холодной войны и связанный с ней комплекс перемен обусловили возрастание роли и места региональных подсистем международных отношений (МО) в мировой политике, а также процессов, происходящих в них. В порядке необходимости на повестке дня встали вопросы теоретического осмысления и практической реализации безопасности целых регионов на разные периоды времени. Однако, как представляется, изучение региональной безопасности той или иной подсистемы/системы МО не может считаться основательным и полноценным, в первую очередь, без раскрытия сущности самого понятия «регион» и конкретизации его понятийно-категориального инструментария. Эта задача значительно облегчит изучение тех или иных макропроцессов, происходящих в нем.

Как известно, тривиальный на первый взгляд термин «регион» на самом деле сложное и многоаспектное понятие, исследование которого требует междисциплинарного подхода. Понятие “регион”, - считают некоторые эксперты, - действительно трудно четко определить а priori [см.: Макарычев. № 8. 1999. – с. 7]. Большинство исследователей убеждены в том, что определение региона зависит от той специфической специализации, исследованием которой занимаются эксперты. Потому учеными признается, что единого определения региона и касающихся его процессов не существует [об этом, например см.: Gunnarsson. URL; Мир политической науки. Кн. 1. 2004. – с. 594]. На самом деле «регион» одно из самых трудноуловимых и труднопонимаемых понятий в современных регионоведческих и международных исследованиях. В связи с этим уместно привести пафосное обобщение проблемы дефиниции региона У. Айзардом, который писал: *«стоит нам только углубиться в чисто пространственное теоретизирование и дефиниция регион исчезает»* [Цит. по: Макарычев. URL].

В политическом словаре термин регион появился относительно недавно, ему предшествовало понятие провинции – собирательное имя для территориальных сообществ [Мир политической науки. Кн. 1. 2004. – с. 592]. К тому же существуют географическое, экономическое, культурно-цивилизационное и др. понимания региона.

Общепризнанно, что регион (от лат. regio – область, район) – определенная территория *страны* или *нескольких стран* (курсив наш – С.Ш.) с более или менее однородными природными условиями и характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся материально-технической, производственной и социальной инфраструктурой, а также своеобразием социально-политических условий [Политическая

энциклопедия. Т. 2. 1999. - с. 331-2; Мир политической науки. Кн. 1. 2004. – с. 592]. То есть регион – это и вне-государственная категория, и одновременно категория субгосударственная и разграничение в данном вопросе зависит от ракурса, выбранного самим исследователем. Поэтому А. Макарычев справедливо замечает, что научная проблема определяет «иерархию» регионов [Макарычев. Без вых. данн. URL], и это говорит о прямой детерминации между исследуемым предметом и регионом.

Как явствуют источники, диапазон исследовательских подходов чрезвычайно широкий и одновременно скудный для адекватного охвата по сравнению с другими политическими категориями. Этому, возможно способствовало обыденное восприятие и понимание региона как такового, и только активизация интеграционных процессов во второй пол. XX века вынудила исследователей обратиться к его тщательному изучению.

Один из последовательных ученых, исследовавших эту область – М. Гуннарссон (Malin Gunnarsson) считает, что *регион - это взаимодействие «акторов» и институтов в рамках данной географической территории* [Gunnarsson. URL]. В отличие от него известный политолог-международник К. Дойч дает иное – “суммативное” определение *региону*, считая, что последний *представляет собой группу стран, которые по многим параметрам больше взаимосвязаны между собой, чем с иными странами* [Deutsch. 1981. – р. 2-8].

Находит свое выражение и относительно содержательный подход, выразителем которого является Э. Маркузен, определявшая регион, как *исторически эволюционирующее, территориально компактное сообщество, которое содержит в себе физическое окружение, социально-экономическую, политическую и культурную среду, а также пространственную структуру, отличную от иных регионов и территориальных единиц, таких как город или нация* [Markusen. 1987. – р. 17]. Таким образом Э. Маркузен первой обращает внимание на взаимосвязь смысловой нагрузки региона, нации и города и выделяет из этого многообразия понятия “регион”.

Предпринимал попытки определения региона посредством выделения основных свойственных ему критериев и другой исследователь – М. Рассет. Он предлагал следующие пояснительные формулировки для уточнения вопроса:

1. регионы в социальном и культурном отношении однородны; государства этих регионов имеют одинаковое отношение к сложившимся внутренним атрибутам;
2. регион образован из государств со схожими политическими свойствами; государства региона имеют общее видение внешнего мира и одинаковое поведение на международной арене, которое проявляется, например, в голосовании в ООН;
3. политически взаимозависимые регионы, связаны между собой через системы национальных и межправительственных политических структур;

4. экономически взаимозависимые регионы, связаны между собой внутрорегиональной торговлей, степень которой определяется пропорциями к национальному доходу и т.д. [Russet. 1967 - с. 11].

И, наконец, актуализируется также активно используемое в политологических науках понятие *международно-политический регион*. Проф. А.Д. Воскресенский считает, что *международно-политический регион – это привязанная к территориально-экономическому и национально-культурному комплексу (основывающемуся на однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, мотивирующих его выделение) региональная совокупность явлений международной жизни, объединенных общей структурой и логикой таким образом, что эта последняя и историко-географические координаты ее существования взаимообусловлены* [Воскресенский. 2004. с. 498]. Исследователи обращают внимание на то, что международно-политическое значение термина «регион» и в других случаях достаточно гибко и не содержит концептуальной строгости. Так, часто понятие «регион» заменяется «субрегионом», или оба термина могут употребляться параллельно [Макарычев. URL].

А. Макарычев выделяет, наряду с международно-политическим подходом к региону, также философский, исторический и географический:

философское понимание региона заключается в своеобразности региона, как особого мира с присущим только ему менталитетом, образом мышления, традициями, мировоззрением и мироощущением (Ф. Бродель);

историческое видение регионов состоит в том, что они образования тех микрорегионов, которые в Средние века были привязаны к тому или иному церковному приходу или епархии и т.д.;

географическая трактовка региона базируется в основном на идеях Х. Макиндера и др. [Макарычев. Там же. URL].

По сравнению с задачей определения самого понятия «регион», более выполнимой в теоретическом плане считается его классификация. Однако и здесь встречаются разные подходы и критерии членения.

На сегодняшний день существуют географический, политический, социально-экономический, экологический, информационный, цивилизационный и др. подходы к классификации регионов. В целом исследователи делят регионы на две большие группы: *однородные и функциональные регионы*. Однородные регионы подразделяются на три подтипа:

а. *естественные регионы*, чьи очертания определяют общие топографические, климатические и иные природные характеристики (Нордический регион);

b. *регионы с сильно выраженным чувством общей культурно-исторической идентичности* (Скандинавия);

c. *экономически самодостаточные регионы с объединяющим их общим типом промышленного производства* («Большая Волга»).

Составные части функционального региона изначально не обязательно похожи друг на друга. Создание таких регионов предполагает взаимодействие и интеграцию внутри них, чтобы в конечном итоге собираемые вместе территориальные компоненты оказывались взаимодополняемыми [Макарычев. № 8. 1999. – с. 7].

Н. Вигеланд (Noralv Veggeland) исходя из функционального подхода типологизирует регионы на *функциональные, культурные и административные*:

1. *функциональный регион* имеет узкую и специфичную цель взаимодействия и концентрируется на получении некоторых выгод в рамках определенного сектора через региональное сотрудничество. Это могут быть, к примеру, вопросы торговли, таможенной политики, образования и интеграции;

2. *культурный тип региона* базируется на вопросах, касающихся идентификации. Общее наследие, язык, обычаи и т.п. формируют ориентированную на себя однородность на определенной территории и тем самым отличают “культурный” регион от остальных территорий. Деятельность в рамках региона может варьировать в широком спектре вопросов. Центральным для культурного региона является деятельность “снизу-вверх”. Н. Вигеланд заключает, что культурный регион может сформировать основу для развития функционального региона;

3. *административный тип региона* относится к административной структуре, которая существует в государствах с иерархическим порядком между муниципалитетами, округами и центральной администрацией. С этой позиции округ, например, может относиться к региону [по изложению: Gunnarsson. URL].

Таким образом основные наиболее адекватные по содержанию и дифференцированные по форме определения и классификации региона на самом деле отражают всю полноту действительности, которая окружает это явление. Стоит отметить, что особенность современных государственных и международных регионов заключается в том, что в существующих условиях они переходят в совершенно новую фазу своего развития. В настоящее время государственный регион все больше выходит за рамки межрегионального взаимодействия внутри государства и активно начинает функционировать на международной арене. Теоретики по международным отношениям и мировой политике объясняют этот процесс *трансформацией международных отношений в мирополитические* [см.: Богатуров. Т. 2. № 1(4). 2004; Лебедева. Т. 2. № 2 (5). 2004]. Очевидно, что многие

государственные регионы набирают активную динамику торгового оборота и иные формы взаимодействия с административными регионами соседних государств (например, Калининградская область РФ, северные области Казахстана, восточные области Украины, взаимодействие в рамках т.н. «треугольников развития» и т.д.). Наблюдается также активное уплотнение социального пространства международных регионов под действием региональных макропроцессов и не последнюю очередь без участия внешних акторов.

Своевременно упомянуть в связи с этим эволюционный подход к международному региону, сделанный Б. Хеттне и Ф. Содербаумом (Bjorn Hettne & Fredrik Söderbaum), которые ввели в научно-политологический лексикон новое понятие - «**регионность**» (regionness), подразумевающий *степень региональной способности (regional solution) артикулировать интересы того или иного появляющегося региона*. По Б. Хеттне и Ф. Содербауму, *регионность - процесс регионального развития*, который включает в себя три стадии:

a. первая стадия – *пре-региональная стадия*, в которой потенциальный регион образует социальную и географическую часть.

b. вторая стадия - *стадия регионализации*, на которой создаются формальные и неформальные каналы для регионального сотрудничества;

c. на третьей стадии (исход процесса регионализации) регион формирует отличительную идентичность, институционализированные способности, легитимность и т.д., которые превращают регион в действующую единицу. Третий уровень регионности можно отнести к «сообществу безопасности» К. Дойча [по изложению: Gunnarsson. URL].

Б. Хеттне и Ф. Содербауму в действительности удалось в какой-то мере упорядочить разношерстные взгляды на эволюцию региона и региональные макропроцессы. Как и другие социальные комплексы, региону свойственны рост и развитие, стагнация и упадок, протекание таких региональных макропроцессов, как регионализация и регионализм.

Практически все региональные подсистемы МО прошли в своем развитии пре-региональную стадию и многие находятся на стадии регионализации. Сама по себе регионализация – процесс противоречивый. Некоторые исследователи, например, считают, что она является синонимом понятию «региональная экономическая интеграция» [Рогожин. 2002.- с. 358]. Другие исследователи деликатно обходят стороной проблему определения этого явления.

Регионализация относится к процессам, имеющим эмпирический характер и приводящим к становлению относительно целостного региона. Процесс регионализации может быть генерирован как тем или иным регионом изнутри, так и внешними силами, т.е. средой [см.: Gunnarsson. URL]. Внешние акторы (великие державы) обычно осуществляют

процесс регионализации с разной целью в так называемых регионах – акцепторах, к которым можно отнести Центральную Азию, Ближний Восток, Латинскую Америку и т.д. Последние, как известно, не в состоянии осуществлять собственную политику регионостроительства без обязательного участия внешних сил. В подтверждение этому можно привести примеры проектов США о “Большом Ближнем Востоке” и “Большой Центральной Азии” [см. Start. URL].

Как показывает практика, повсеместная регионализация является фактом сегодняшней международной жизни. Регионализация затрагивает почти все подсистемы международных отношений, географически не всегда полностью охватывая их. Многие близлежащие районы *регионализируются* в целях обоюдного выигрыша от более тесного сотрудничества и экономического взаимодействия.

По сути регионализация – это процесс регионального структурирования пространства, повышения роли регионов в социально-экономической и политической жизни обществ в целом и граждан в отдельности. В связи с этим выделяют социокультурную, экономическую, политическую (национальное самоопределение) и др. формы регионализации [см.: Политическая энциклопедия. Т. 2. 1999. - с. 332]. Исторически эти формы регионализации развивались параллельно, а иногда предшествовали друг другу и укрепляли взаимные позиции. Во многих случаях, таким формам регионализации способствовали определенные факторы, насильно или мирно навязанные тем или иным соседствующим ойкуменам. В Европе это было христианство, на Ближнем, Среднем Востоке и в Центральной Азии - ислам.

Несмотря на всеохватывающий характер, исследователям все же удалось подойти вплотную к этой задаче и раскрыть понятие «регионализация». Наиболее удачную матрицу для этого макропроцесса сформулировал А.Д. Воскресенский, считая, что регионализация – формирование экономических связей в регионе на основе географической близкорасположенности государств [Воскресенский. 2002. – с. 137].

Г.К. Широков же подробно вдаваясь в экономическую составляющую региональных макропроцессов, указывает, что регионализация,

во-первых, является следствием углубляющегося международного разделения труда, увеличения влияния внешних факторов на воспроизводство, требующего выхода производства за национальные границы;

во-вторых, представляет собой инструмент оптимизации экономики;

в-третьих, служит средством поддержания относительного равноправия в мире огромного неравенства потенциалов отдельных стран,

в-четвертых, она – порождение глобализации и одновременно инструмент противодействия негативным последствиям глобализации. На рубеже тысячелетия, - пишет он, - мотивация к созданию региональных объединений заметно усилилась: только в 2001 г. было подписано 19 таких соглашений [Широков. № 4. 2004. – с. 56].

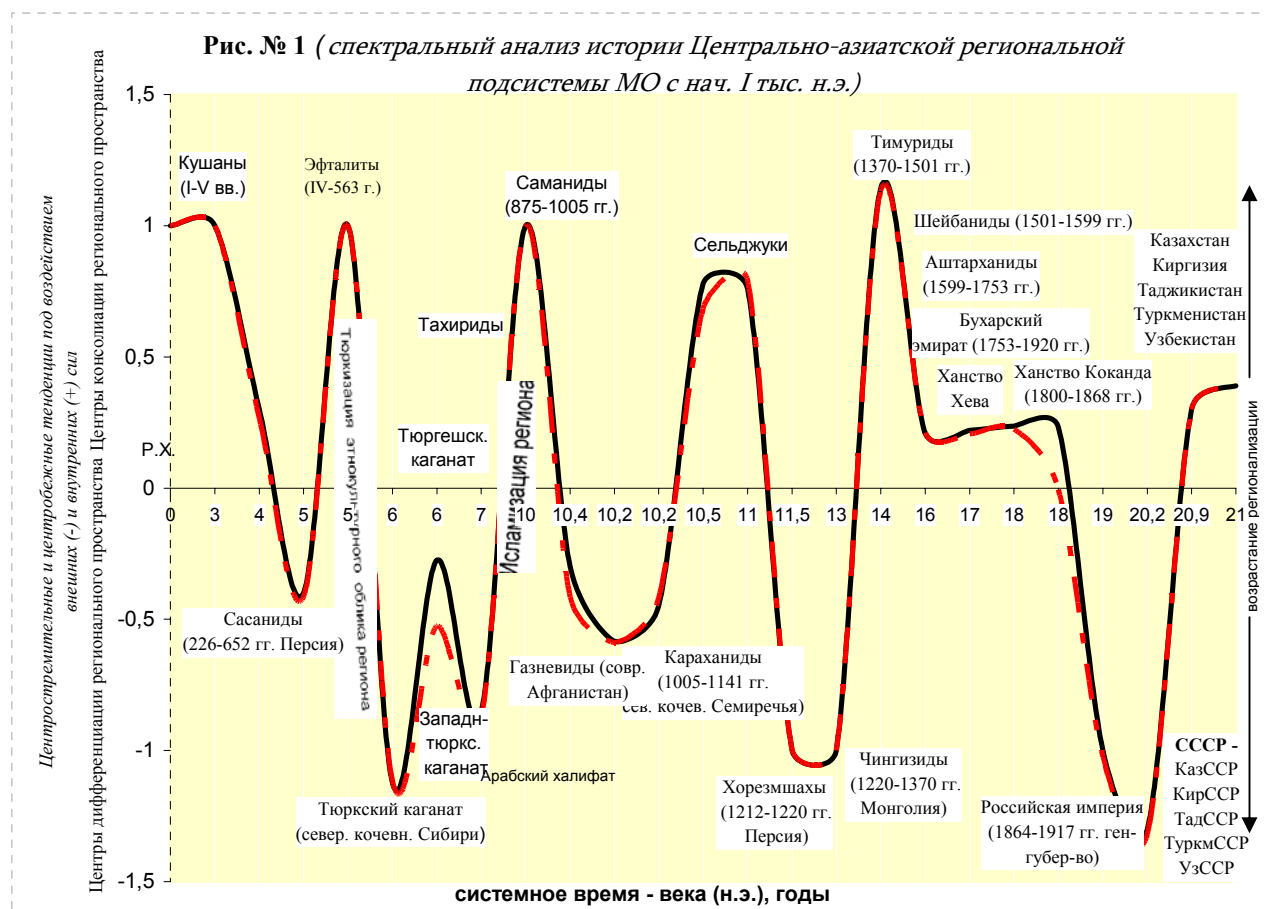
Г.К. Широков выделяет три примера регионализации. По его мнению под термином *регионализация* обычно понимается *образование экономических интеграционных группировок государствами, расположенными в одном регионе* (курсив наш – С.Ш.); целью этих группировок является повышение эффективности экономики за счет унификации законодательства, ликвидации административных ограничений на перемещение товаров, капиталов и рабочей силы, а также полного использования факторов производства. В основе таких интеграционных группировок могут лежать разного рода и характера соглашения, различные субгосударственные институты [так же. – с. 56].

Но при этом он справедливо указывает, что, это, в принципе правильное определение, носит ограниченный характер, так как относится только к одному, наиболее заметному, типу интеграции. На практике же, помимо отмеченного, встречаются еще два типа экономической интеграции – **региональные державы** и **«треугольники развития»** (выделено нами – С.Ш.) [там же. – с. 56].

Под региональной державой Г.К. Широков понимает способность сравнительно крупной державы навязывать свою волю сопредельным, как правило, меньшим странам, относительно мирными, дипломатическими (как политическими, так и экономическими) методами, т.е. возникновение региональной державы изначально предполагает значительное неравенство (по экономическому, демографическому, и прочим потенциалам) сопредельных государств [там же. – с. 56-7]. Взаимоотношения в системе «крупная держава – зависимые страны» могут определяться не каким-то всеобъемлющим соглашением, а строиться на неформальных основах. Но эти договоренности, формально не ущемляя суверенитета ни одной страны, дают определенные преимущества ведущей державы [там же. – с. 57].

Хронологически первыми возникли региональные державы. Такая практика существовала и в Центральной Азии, где появлялись и распадались региональные державы. Спектральный анализ истории Центральной Азии в какой то мере может подтвердить это (см. Рис. № 1). К числу региональных держав, Г. Широков относит современные Австралию, Индию, КНР, Саудовскую Аравию, Южную Африку и Россию. С этой точки зрения современная Центральная Азия – арена, на которой со времен Тимуридов отсутствует региональная держава мирового «калибра» и регион не представляет собой какой-либо центр силы в системе МО, а по сему общая обстановка в регионе на протяжении последних столетий регулируется/контролируется внерегиональными державами. Отсюда получается,

что будучи не субъектом, а объектом мировой политики, Центральная Азия являлась заложником всяких «больших и малых игр», осуществляемых внешними акторами.

Указывая вслед за другими западными исследователями¹ на третий тип интеграции, Г.К Широков пишет, что они («треугольники развития» - хотя участников может быть и больше, и меньше) представляют собой самый новый тип интеграции и большого развития пока не получили. Обычно они складываются в пограничных районах нескольких стран в тех случаях, когда интеграционные процессы крайне неравномерны: масштабы взаимодействия стран данных регионов обгоняют скорость их интеграции. Этот тип интеграции также редко оформляется какими-либо соглашениями [там же. – с. 57].

Другим региональным макропроцессом можно считать регионализм, который все еще не получил общепризнанного определения. Во многих случаях регионализм отождествляется с регионализацией, в некоторых – понимается как отдельная научная категория, со свойственным ей понятийным аппаратом. Рассмотрим наиболее важные вопросы, касающиеся проблематики регионализма.

Зарубежный исследователь С. Тарроу выделяет по крайней мере три понимания самого регионализма:

1. регионализм как политический курс или совокупность политических курсов;

¹ См.: The world We are Entering: 2000-2050. Ed. by J. Wallerstein and A. Clesse. Amsterdam, 2002, p. 72

2. регионализм как идеология государственного вмешательства;
3. регионализм как организационная основа для защиты периферийных территорий [по изл.: Макарычев. Там же. URL].

Обращая внимание на подходы, Е. Доморенок выделяет пять исследовательских направлений, посвященных проблеме регионализма и освещающих те или иные его компоненты:

1. работы, которые фокусируют внимание на развитии и применении различных индикаторов регионализма. Главная задача исследователей (Б. Рассет) этого подхода заключается в выяснении того, в какой степени вероятно совпадение экономической, социальной, культурной и политической составляющих при выделении региона;

2. подход к регионализму, который акцентировал внимание на описании динамики интеграции. В большей степени этот подход представлен неофункционалистами (Э. Хаас, А. Моннэ, Л. Линдберг). Вкратце сущность этой концепции заключается в том, что потребность государства в интеграции в экономической, социальной, культурной и др. сферах способна, во-первых, привести к необходимости создания наднациональных институтов, во-вторых, ускорить процессы политической интеграции;

3. представители третьего подхода (Дж. Най) к феномену регионализма объяснили его происхождение, главным образом, мотивацией политических элит, участвующих в процессе принятия решений. Яркий пример тому регионализм в Европе, который во многом может быть объяснен мотивацией политической элиты, участвующей в этом процессе. *К этому подходу можно было бы добавить, например, сотрудничество политической элиты в рамках интеграционных процессов, происходящих на территории СНГ* (курсив наш – С.Ш.);

4. попытки пересказать или дать рекомендации по поводу развития процесса региональной интеграции связаны с четвертым подходом. Последователи этого направления (Б. Репорт) попытались найти ответ на вопрос, что произойдет с уровнем международного сотрудничества;

5. последнее направление (Р. Мастер) рассматривало в регионализме возможность создания мультиблоковой международной системы [Доморенок. 2002. URL].

А. Макарычев же различает двоякое выражение регионализма:

- *пассивная регионализация, определяемая общей идентичностью, культурой, историей, географией;*
- *целенаправленная и активная деятельность по созданию региональных политических институтов под воздействием как правительств, так и субнациональных управленческо-административных единиц* [Выступление А.С. Макарычева... URL].

Он выделяет 1) «интегративный»/«ассоциативный» регионализм и 2) диссоциативный регионализм. Первый тип регионализма предлагает вариант объединения соседних территорий по экономическим, культурным, политическим или военным соображениям. Второй тип тесно соприкасается с такими понятиями, как децентрализация, территориальная идентичность, локализм, региональная автономия [Макарычев. Материалы «круглого стола». URL].

В основе регионализма лежит понимание того, что только через сотрудничество и партнерство со своими соседями, через сплочение с ними каждая отдельно взятая страна может максимально обеспечить свои национальные интересы. В результате вырабатывается региональное самосознание и чувство единения. Вместе с тем, у регионализма, по мнению Ковальского, есть и другая сторона, о которой косвенно упомянул и А. Макарычев. Это вероятность возникновения разделительных линий между региональными группировками государств, а также «атомизация» - «неконтролируемый распад» региональных образований. Результатом может стать противоборство, в том числе и военного характера, чреватое региональными и локальными войнами [Ковальский. 2001. – с. 100; 106-7].

По сути регионализм как политологический феномен в международных отношениях отражает процесс перераспределения власти. С одной стороны, наднациональные органы расширяют свои полномочия, с другой, регионы, а не национальные государства, заявляют о большей эффективности решения ряда проблем, ранее находившихся в компетенции национальных государств [Доморенок. 2002. URL].

Некоторые аналитики под регионализмом понимают взаимозависимость стран и выход интересов национальных субъектов за их границы, но в региональных рамках» [по изл.: Воскресенский. 2002. - с. 8]. Нельзя не согласиться с определением, предложенным А.Д. Воскресенским, который под регионализмом подразумевает *формирование экономических сообществ близко расположенных государств посредством торговых соглашений преференциального типа* [Воскресенский. 2002. - с. 8].

Финский политолог П. Юкарайнен полагает, что *регионализм – это естественный, органический принцип территориальной организации социальных, политических, экономических и культурных процессов* [Jukarainen. 1997. - p. 5].

Некоторые исследователи выделяют понятие «регионализм» в сравнении или противопоставлении с другими политологическими понятиями. Так, например, В.В. Михеев противопоставляет регионализм и глобализацию считая, что глобализация мировой экономики предшествует или, вернее противостоит регионализму. *Регионализм*, по В.В. Михееву, *означает взаимозависимость стран и выход интересов хозяйственных субъектов за национальные границы, однако ограничивает сферу действия этих тенденций*

региональными рамками. Регионализм существует как тенденция регионального развития и как сознательно формируемая цель [Михеев. 2002. – с. 66]. Н. Ковальский же рассматривает регионализацию и регионализм как понятия, имеющие одинаковое значение [Ковальский. 2001. – с. 106-7].

Изучая развитие и эволюцию регионализма М. Гуннарсон (Malin Gunnarsson), классифицирует две ее стадии, волны (waves):

a. первая волна регионализма, по его мнению, была инициирована центром для периферии и направлена от центра к периферии, сверху вниз, с целью достижения региональной согласованности (regional solution). Вместе с нефтяным кризисом в 1970-х гг., ростом нового либерализма и глобализации, идеи региональной согласованности и кооперации трансформировались в региональную фрагментацию и конкуренцию.

b. на второй волне регионализма (80-е гг. – *С.Ш.*), называемой некоторыми исследователями *новым регионализмом* (курсив наш – *С.Ш.*), возрастает элемент инициативы регионализма снизу вверх [Gunnarsson. URL].

Он обращает внимание на то, что параллельно со второй волной регионализма претерпело трансформацию и понимание безопасности (от традиционно-реалистичного взгляда на безопасность к росту элементов структуралистского и конструктивистского подхода к понятию безопасности). Однобокая концентрация внимания на военных угрозах была вызвана и усилена более широким взглядом на угрозы безопасности, так же как и аргументом за менее государственно-центрическое понимание МО [Gunnarsson. URL].

В этой связи в последнее время исследователи стали широко использовать понятия открытый и закрытый регионализм (в интерпретации М. Гуннарсона, Б. Хеттне, А.С. Макарычева и др. исследователей – старый и новый регионализм [Hettne. Vol. 1. 1999; Gunnarsson. URL; Макарычев. № 8. 1999]).

«Открытый регионализм», рассматривающий экономическое развитие и интеграционное взаимодействие стран данного региона в контексте развития мировой экономики, находится в русле экономической глобализации и служит своеобразной предпосылкой, этапом, предшествующим глобализации мировой экономики. ЕС и НАФТА представляют собой типичные примеры такого открытого регионализма [Михеев. 2002. – с. 66-67].

«Закрытый регионализм», напротив, противодействует глобализации и нацелен на защиту исключительно данного региона от негативных последствий глобализации. Он представляет собой расширенную до региональных пределов политику «опоры на собственные силы». Примером закрытого регионализма может служить деятельность бывшего Совета экономической взаимопомощи. В. Михеев допускает мысль о том, что,

возможно, именно стратегия закрытого регионализма стала, наряду с другими известными факторами и обстоятельствами, причиной краха мировой социалистической системы – оказавшейся неспособной адаптироваться к растущей мировой взаимозависимости. Методология закрытого регионализма по существу есть методология протекционизма [Михеев. 2002. - с. 67].

В заключение стоит отметить, что трансформационные макропроцессы, происходящие сегодня в региональных подсистемах МО, глубоко влияют на их содержание, место и роль в мировой политической, экономической, хозяйственной и других сферах, а также на геополитические рамки регионов. Однозначно регионализация и регионализм, как более или менее видно из современных тенденций мирового развития, получают еще большее распространение и динамику развития. В них, как показывает практика и здравый смысл, заинтересованы все участники международных отношений. Но камнем преткновения в вопросах региональных макропроцессов были и останутся геополитические рамки, в различных контурах которых стороны по-разному заинтересованы. Так, после фрагментации единого постсоветского пространства, позиция сторон (РФ, другие постсоветские страны, США, КНР, Индия, Афганистан, Иран, ЕС, Япония и Турция) сильно разнится в отношении геополитических контуров новообразовавшихся эфемерных регионов, в их стремлении ограничить взаимное влияние. Финансово и политически региональные макропроцессы будут продолжать осуществляться отчасти с помощью глобальных полюсов притяжения. Главной же особенностью региональных макропроцессов, пожалуй, останется то, что расстояние связей, характеризующих региональную интеграцию, всегда будет коррелировать с внутренним состоянием сторон.

Ноябрь 2005 г.

Литература:

1. *Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // *Международные процессы*. Т. 2. № 1(4). 2004.
2. *Воскресенский А.Д.* (2004). Теоретико-прикладные аспекты регионального измерения международных отношений / *Современные международные отношения и мировая политика: Учебник* / А.В. Торкунов и др.; МГИМО (У) МИД России; Отв. ред. А.В. Торкунов. – М.: Просвещение: МГИМО.
3. *Воскресенский А.Д.* (2002) Региональные подсистемы международных отношений и регионы мира (к постановке проблемы) / *Восток – Запад – Россия*. Сборник статей. – М.: Прогресс-Традиция.
4. Выступление А.С. Макарычева на «круглом столе»: “*Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования*”: URL://<http://www.kennan.yar.ru/materials/profi2/part2/sect45.htm>
5. *Доморенок Е.* Концепции «старого» регионализма в контексте современной Европы: URL: <http://beljournal.by.ru/2002/4/9.shtml>
6. *Ковальский Н.О.* соотношении глобализации и регионализма // *Глобализация и регионализм. Черноморский регион. Балканы*. Авторский коллектив. – М.: «Интердиалект+», 2001.
7. *Лебедева М.М.* Предметное поле и предметные поля мировой политики // *Международные процессы*. Т. 2. № 2(5). 2004.
8. *Макарычев А.* Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма: возможности и пределы заимствования: URL: <http://www.kennan.yar.ru/materials/profi2/part1/sect45.htm>
9. *Макарычев А.* Западные рубежи России: проблемы безопасности и транснационального регионализма // *Рабочие материалы Московского центра Карнеги*. Выпуск 8. 1999.
10. *Мир политической науки*. Учебник. В 2-х книгах. К. 1. Категории / Отв. ред. А.Ю. Мельвиль; МГИМО МИД РФ. – М.: Просвещение, 2004
11. *Михеев В.В.* Глобализация, регионализация и региональная интеграция / В.В. Михеев // *Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений*. - М. 2002.- с.61-78
12. *Политическая энциклопедия*. В 2-х томах. Под ред. Г.Ю. Семигина. – М. «Мысль», 1999.
13. *Рогожин А.А.* Юго-Восточная Азия и интеграция // *Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений*. Уч. пос. / Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002. – с. 356-70
14. *Широков Г.К.* Регионализация: новые тенденции мирового развития на рубеже XX и XXI веков // *Новая и новейшая история*, № 4. 2004. – с. 55-66.
15. *Широков Г.К., Салицкий А.И.* Глобализация и/или регионализация? (регионализация и ее типы) // *Восток (Oriens)*. 2003. № 5. – с. 85-96.
16. *Deutsch K.* On nationalism, world regions, and the nature of the West // *Mobilization, Center-Periphery structure and nation-building. A volume in commemoration of Stein Rokkan* / Ed. by Per Torsvik. Universitetsforlaget. Bergen – Oslo – Toronto, 1981.
17. *Gunnarsson M.* Regionalism and security – two concepts in the wind of change: URL://http://www.umu.se/cerum/publikationer/pdfs/NSB_1_00_6_1.pdf

18. *Hettne B.* Globalization and the New Regionalism // Globalizm and new regionalism. – London: MacMillan Press Ltd, 1999
19. *Jukarainen P.* Any space for the postmodern identity? International conference: “Border regions in transition”, 14-17 June 1997
20. *Markusen A.* Regions: economics and politics of territory. Rowman & Littlefield publishers. 1987.
21. *Russett B.* International relations and international system. Chicago, Rand McNally. 1967.
22. *Starr F.* A Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and Its Neighbors": <http://www.silkroadstudies.org/CACI/Strategy.pdf>